

«Разного рода драмы — Чернобыль и Рейкьявик. Но по потрясению основ, на которых строился послевоенный мир, они сопоставимы. После Чернобыля мы поняли, в каком мире живем — в каком соотношении с природой, с наукой, чего стоим, о чем должны думать. А после Рейкьявика всем стало ясно, что мир, может быть, на последнем перевале — к спасению рода человеческого или к гибели.

Началось с беседы один на один. Рейган приветствовал меня и выразил удовлетворение моей инициативой встретиться в Рейкьявике, «чтобы наша последующая встреча в Соединенных Штатах была весьма продуктивной». Президент как бы подчеркивал, что Рейкьявик — не конечный пункт, а всего лишь промежуточная станция на пути в Вашингтон.

Со своей стороны я приветствовал президента и сказал, что советское руководство должным образом оценило его согласие на предложение о встрече.

Затем мы перешли к обмену мнениями. Но его содержание меня разочаровало, так как ничего вразумительного на свои высказывания и оценки от президента я не услышал. А ведь я говорил об очень важных вещах — о продолжающемся нарастании напряженности в мире, об откате от Женевы в двусторонних отношениях, о том, что все это опасно и не может так оставаться. В общих чертах изложил наши предложения, реализация которых, по нашему мнению, приведет к коренным изменениям в мировой политике.

На все это Рейган не отреагировал, а зачитывал лишь свои заготовки. Я попытался втянуть его в разговор по поводу того, что только что сказал, но это никак не получалось. Решил перейти к конкретике, но беседа опять-таки не клеилась. Рейган перебирал свои карточки с записями. Они перемешались, часть упала со стола. Он начал их тасовать, искать, что сказать в ответ на мои предложения, но ответов не находил. Да и откуда им там было взяться: президент и его помощники готовились не для такого разговора.

Понимая его волнение, я сказал: «Ну что ж, мы подошли к конкретной тематике, предлагаю пригласить наших министров». Когда Шульц и

Шеварднадзе присоединились к нам, я подробно пересказал наши предложения по сокращению СНВ, суть которых сводилась к следующему. Переговоры погрязли в бесконечных дискуссиях, спор идет по кругу и ни к чему не привел. Нужен новый подход. Сейчас ядерное противостояние состоит из триады: стратегических ракет наземного базирования, стратегических ракет на подводных лодках, стратегической авиации. В зависимости от особенностей наших стран у каждой из них своя структура вооружений при примерно равном потенциале. Мы предлагаем все части этой триады сократить на 50 процентов.

По стратегическим ракетам наземного базирования СССР впервые шел на подобный шаг. Они ведь были самым мощным нашим стратегическим оружием, в котором «потенциальный противник», как мы тогда выражались, видел главную для себя угрозу. Но мы готовы были на это пойти, чтобы сдвинуть с мертвой точки «захламленный» десятилетиями бесплодных переговоров процесс разоружения. Притом не безвозмездно: США тоже должны были бы сократить на 50 процентов свою мощнейшую ударную силу — ядерные подлодки, а также стратегическую авиацию, по которой они нас превосходили.

Логика, таким образом, проста: опустить ядерное противостояние на другой, намного более низкий уровень. На наши далеко идущие предложения у президента Рейгана сначала проявилась реакция, близкая к растерянности, хотя он и слышал то, чего США всегда добивались от нас, — радикального сокращения МБР. Но поскольку это подавалось в увязке с другими компонентами, у президента, видимо, возникло подозрение, что его хотят загнать в ловушку. Положение облегчил госсекретарь. Включившись в разговор, он сказал, что наш подход в основе приемлем. В ходе последовавшего обмена мнениями удалось достичь принципиальной договоренности о 50-процентном сокращении СНВ.

Американская делегация в целом была явно не готова к такому повороту. Приходилось часто делать перерывы для обмена мнениями «между

своими». Перерывы то и дело затягивались. Очевидно, эксперты, которых Рейган привез с собой, нуждались в дополнительных консультациях. Американская команда постоянно держала связь с Вашингтоном, получала оттуда заключения по своим запросам.

Поскольку инициатива исходила от нас, то и делегация наша, и эксперты во главе с маршалом Ахромеевым были подготовлены основательно. Конечно, при конкретизации общей договоренности возникло много вопросов. Большинство из них должны были стать предметом детальной дискуссии на переговорах в Женеве, но некоторые требовали пояснения уже в Рейкьявике. Чтобы устранить препятствия, мы пустили в ход резервную позицию — сняли вопрос о средствах передового базирования, требование о зачислении западных РСД в разряд стратегических.

Второе наше предложение предусматривало кардинальное сокращение ракет средней дальности. Мы отказались от его увязки с ядерным потенциалом Англии и Франции и предложили вернуться к американскому варианту — уничтожить все ракеты этого класса в Европе. Одновременно предлагалось начать соответствующие переговоры по Азии и заморозить ракеты с дальностью полета меньше тысячи километров.

Но вот парадокс, американцы в Рейкьявике не соглашались с собственным вариантом. Думаю, дело было не столько в опасении вызвать негативную реакцию у своих европейских союзников, сколько в нежелании нанести ущерб производителям ракет. Понадобился компромисс, и, хотя не без трудностей, удалось его нащупать. Увы, оказалось, самые большие испытания нас ждут впереди.

Действительно, и участники переговоров, и пресса понимали, что назревает возможность разорвать порочный круг ядерной гонки. Но в тот самый момент, когда, казалось, стороны пришли к согласию, неведомые силы остановили Президента США.

Известно, что на всех предыдущих переговорах американцы ставили на первое место проблему контроля, теперь же вдруг начали маневрировать

именно в этой связи. Наша позиция была определенной: коль скоро начнется ликвидация ядерного оружия, контроль должен быть ужесточен, дабы ни одна из сторон не могла обойти партнера и добиться военного превосходства. Отсюда: недопустимо ослаблять уже существующие механизмы контроля и сдерживания гонки вооружений, в первую очередь — Договор по ПРО. Напротив, целесообразно, чтобы каждая из сторон взяла обязательство, что она в течение десяти лет (период уничтожения ядерного потенциала) не воспользуется правом отказа от этого соглашения.

С учетом особой «привязанности» Рейгана к СОИ с нашей стороны было внесено предложение разрешить исследования и испытания в рамках лабораторий по этой программе. Но президент до конца настаивал на том, чтобы США имели право испытывать все, что относится к СОИ, по сути, без ограничений.

Тогда в далеком Рейкьявике разыгрались поистине шекспировские страсти. Мы делали перерывы, собирались для продолжения дискуссии и снова расходились по делегациям. Всего один шаг отделял от триумфального конца, но камнем преткновения стала СОИ...

Встреча подходила к концу, а возникшие разногласия так и не удавалось преодолеть. Переговоры зашли в тупик и стали приобретать странный характер. Рейган попросту начал торговаться: пойдите мне навстречу, и вы почувствуете, сколько может сделать Америка в сотрудничестве с вашей страной. А я продолжал доводить до его сознания, что нужен всего один шаг, чтобы войти в историю президентом-миротворцем. И еще довод, рассчитанный на американский менталитет: если бы вы просили закупить в США дополнительно 5 или 8 миллионов тонн зерна, чтобы поддержать фермеров, мы постарались бы удовлетворить это пожелание — тем более Советскому Союзу пока не обойтись без импорта зерна. Но когда речь идет о безопасности, я не вправе от вас требовать согласия на планы, которые означали бы меньшую безопасность для Соединенных Штатов, а вы не вправе требовать от меня подобного в отношении моей страны.

Участники переговоров с обеих сторон понимали, что приближается поражение — политическое и моральное. Но все попытки ничего не давали, так крепко Рейган связал себя с СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Встреча в Рейкьявике закончилась. Вышли из дома. Наступили сумерки. Стоим у автомобиля, настроение скверное. Рейган бросил мне упрек: «Вы с самого начала задумали приехать сюда и поставить меня в такое положение!» «Нет, господин президент, — возразил я, — готов сейчас же вернуться в дом и подписать документ по всем вопросам, которые мы уже согласовали, если вы откажетесь от планов милитаризации космоса».

«Весьма сожалею», — последовал ответ. Попрощались, он сел в автомобиль».

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 31-32.